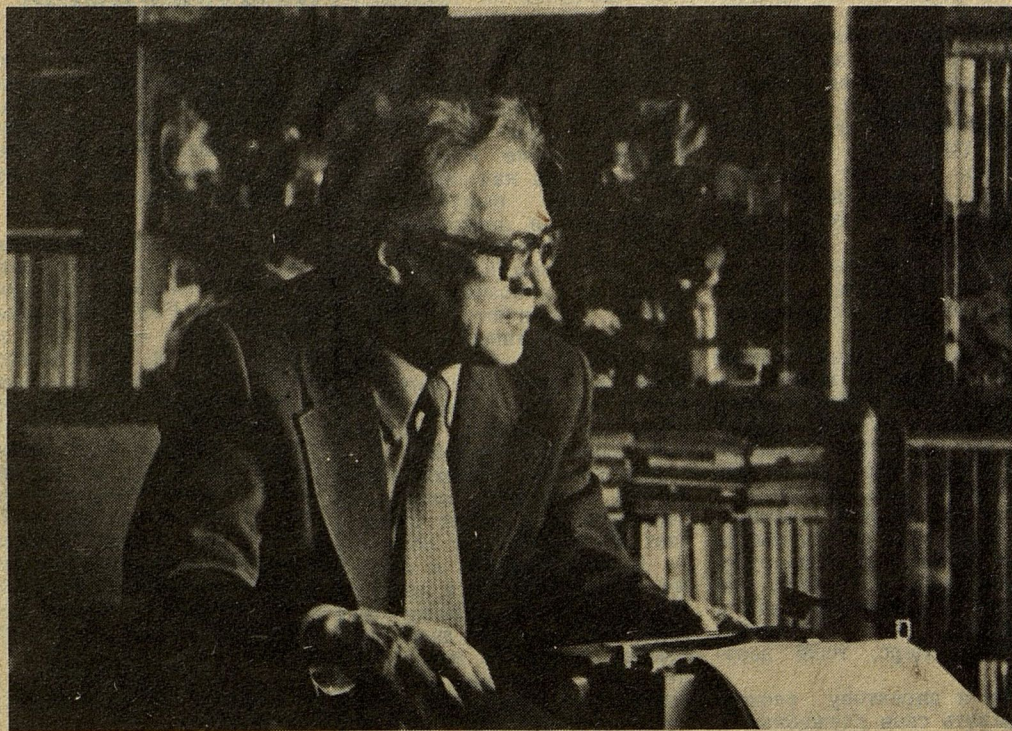

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

«...СЛЫШИТ ЧУТКО И ТОНКО»

Борис КУНЯЕВ

Журавли

Пространством
наполнена грудь.
Зарицы к хорошей погоде.
Прощайте, уходим, уходим,
И нас не сдержат,
не вернуть.

Длинней и темней вечера,
Рябина зажглась на откосе.
Уносит нас осень, уносит
От старых друзей, от костра.

А ветер дождлив и суров.
Листва облетает резная.
Когда мы вернемся, не знаем.
Легки вожаки на крыло.

Каштанов чеканная медь
Прощальным приветом
сверкнула,
И небо нас встретило гулом,
В дорогу — нельзя не лететь.

Далек и нелегко полет,
Готова крылатая стая.
И тьма отползает густая.
Смелей, неизведанность
ждет!

Чистый лист

Луна висит над Карадагом,
Танцуют в море огоньки.
Вся жизнь
как чистая бумага —
Еще ни буквы, ни строки.
Восхода бледная полоска.
Прибоя первобытный гул.
В лиловой дымке
берег плоский
Не то застыл, не то заснул.
Еще легки и нежны тени.
Еще бульжник не прогрет.
Еще не знал я огорчений,
Еще не ведал вкус побед.
Таинственность прохлады
храма,
На голом камне я один...
Ни поцелуев и ни шрамов,
Ни орденов и ни седин.
Я словно день свой
самый первый
Встречаю у камней седых.
Где ты, судьба моя и вера?
Где ты, любовь моя? Где ты?

Я знаю, в эту землю лягу,
И звезды будут далеки...
А жизнь
как чистая бумага —
Еще ни буквы, ни строки.

Глицинии, как в инее,
В сиреневом огне.
А море темно-синее,
А думы о тебе.
Читальня, клуб, столовая.
И вместо стен — цветы.
И таеда даль лиловая.
И в том лиловом — ты.
И горизонта линия
Дрожит, как в полусне...
Глициния, как в инее,
В сиреневом огне.

Холмов

сиреневое стадо

Художнице
А. Добровольской
Сады, оранжевые скалы
Над пестротой
багряных крыш.
На всех полотнах
отсвет алый,
Не потревоженная тишь.
Нева, седая Мойка, Невский.
Сюда несли свои мазки.
Волошин, Рерих,
Богаевский —
Близки — и все же —
не близки.

Холмов сиреневое стадо
Среди крутых вершин и гор.
И вдруг над лугом,
как награда,
Зубчатый замок Эльсинор.
Здесь Сфинкс,
там бухта, вся в лазури,
А вот пейзаж убог и наг.
Наперекор волнам и бурям
Застыл угрюмый Карадаг.
В любой росинке небо светит,
А на земле цвет звезд разлит.
И мнится мне —
в пейзажах этих
Частица эллинской земли.

Любовь

Что разлука, когда нет разлуки.
Что влюбленность, когда нет любви...
На плечах моих тонкие руки,
Невесомые руки твои.
То ли бабочки, то ли ресницы
У щек. И дыхания звон.
Каждой ночью мне снится и снится
Этот душевный и радостный сон.
Каждой ночью забытое чудо,
Что лишает и воли и сил.
Думал я — вот уеду — забуду,
Но уехал, ушел — не забыл.
Что разлука, когда нет разлуки.
Что влюбленность, когда нет любви...
На плечах моих тонкие руки,
Невесомые руки твои.

Стою по утрам на крутом косягорье,
Из дальнего прошлого рвется туман.
Я помню, как камнем был, деревом, морем
Под небом и солнцем неведомых стран.
Я помню вулканы и ветер соленый,
Глобальных циклонов немыслимый шум.
Земля еще только встает из пеленок,
А я существую, страдаю, дышу.
Космический ветер планету оваял,
Проокеан обмелел и остыл.
И я зеленое, цвету, розовею —
То корочкой мха, то рыбешкой без крыл.
Любуюсь на звезды, пью стылые зори,
Рождаясь в любви, умираю от ран...
Стою по утрам на крутом косягорье,
И дальние дали окутал туман.

Полицай

Анатолию Жигулину

Старик был худой и невзрачный —
Весь в шрамах, буграх и узлах.
В движениях рук что-то рачье.
В глазах то ли злость, то ли страх.
А лоб любомудра Сократа,
Лишь щеки свинцом налиты...
Больничная стыла палата,
На тумбочке фрукты, цветы.

Поэту Борису Куняеву сегодня исполняется шестьдесят лет, тридцать из которых тесно связаны с нашей газетой. Он был заместителем редактора «Советской молодежи», в «СМ» за эти тридцать лет было опубликовано немало его стихотворений. Б. Куняев всегда охотно откликается на просьбу редакции познакомить юных читателей с новыми произведениями. Он принадлежит к тому поколению, которое до седых висков сохранило молодость души. Может, потому что «Со школьных парт шагнули на скрижали...»

В пятнадцать лет рязанский подросток начал свой трудовой путь в знаменитом московском «Метрострое». Днем работал — вечером учился: средняя школа, литинститут. В 41-м Борис Куняев добровольцем уходит на фронт. Автоматчик-десантник участвует в Московской и Курской битвах. Его боевой путь отмечен солдатским орденом Славы и тремя ранениями, после которых инвалидом возвращается в родные края. И остается в комсомольском

строю: комсорг на заводе, секретарь райкома комсомола, Центральная комсомольская школа при ЦК ВЛКСМ, работа в аппарате Центрального Комитета комсомола Латвии, республиканская молодежная газета... Борису Куняеву, как всякому человеку, молодость которого была щедрой и деятельной, есть что сказать сегодняшним молодым.

Семнадцать сборников стихов и одна книга прозы. Орден «Знак Почета» и звание заслуженного деятеля культуры Латвийской ССР, которых поэт удостоен за заслуги в развитии литературы...

Но итоги подводить рано. Ведь по-прежнему Борис Куняев, как писал о нем народный поэт Латвии Ян Судрабкalis, «...видит зорко и далеко, слышит чутко и тонко». Эти слова классика вспоминаются, когда знакомишься с подборкой стихов, предлагаемой сегодня читателю.

В. ПЕТРОВИЧ.

Фото И. ДИНЕРСА.

Старик свой сухарик мусолил,
Беззвучно сидел в уголке.
Наколка лиловая «Коля»
Темнела на правой руке.
Как бережно брал он газету,
Постанывал, кричал, зевал.
Мне кто-то шепнул по секрету,
Что он девять душ расстрелял.
Не знаю, то были или небыль,
Историю годы хранят...
Неужто за корочку хлеба
Он мог бы пальнуть и в меня!

Стихи

о первом поцелуе

Ты мне о первом чувстве рассказал,
О первом трепете, о первом взгляде.
А я припомнил фронтовой вокзал
И девушку в старушечьем наряде.
Потертый ватник, выцветший платок,
Бескровные, запекшиеся губы.
И за спиной тонкий вещмешок,
Висящий кое-как на лямках грубых.
Как маленький уставший муравей,
Она сидела у стены сожженной.
Под угольными крыльями бровей
Две ягоды крыжовника зеленых.
Мужские, не по росту, сапоги
И голос еле слышный, как дыхание.
Кудрявый, если можешь — помоги!
Хвораю я, а мой братишка ранен...
Я в жизни лба не видел горячий,
Но чем я помогу — солдат проезжий?
Она заснула на моем плече,
Глухие стоны становились реже.
Лишь к полночи очнулась, не узнав.
Потом опять в клубок свернулась рядом.
А с поля доносился запах трав.
А с запада, все ближе, канонада.
Девичий голос вдруг затосковал.
Взяла, потом вернула мне консервы...
— Меня еще никто не целовал,
Кудрявый, я хочу, чтоб ты был первым!
Ночь таяла, луны не долистав,
А имени девчонка не сказала.
Под утро на всю жизнь умчал состав
Меня с того сожженного вокзала...
Не сосчитать всех болей и утрат.
Давно отснилась юность фронтовая...
Когда со мной о чувствах говорят,
Я поцелуй тот первый вспоминаю.